

УДК 130.2

МЕЖДУ СИЛОЙ И НАСИЛИЕМ: ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЕЮ НАСИЛИЯ

А.М. ДМИТРАКОВ
А.А. НОВАКОВ

*Белгородский государственный
институт искусств и культуры*

e-mail: journal@bgiik.ru

В статье исследуется фундаментальная проблема власти в аспекте ее реализации как силы и насилия. Власть рассматривается в контексте концепции Н. Лумана как селекция коммуникации. Власть соотносится с силой в ситуации наличия множественности и насилем как нехваткой власти. Исследуется феномен двойственности полиции как средства власти в концепции В. Беньямина.

Ключевые слова: власть, насилие, сила, полиция.

Проблема власти является одной из фундаментальных в социально-гуманитарном знании. Она пронизывает и объединяет целый ряд традиционных философских проблем, подобным проблеме насилия и силы, справедливости и свободы, политики, государства, права и многих других. Среди всего множества аспектов и ракурсов рассмотрения власти нас интересует только один, ее антропологический анализ, который, по нашему мнению, определяется парой далеко не однозначных категорий силы и насилия¹. При этом мы учитываем всю сложность определения данных понятий, в том числе и понятия власти. Среди них этический подход, развитый в работах А.А. Гусейнова, с противопоставлением «абсолютистского подхода» и «прагматического», закрепляющий за насилем некоторое количество действий, ведущее к «узурпации свободной воли»². Сразу отметим, что с такой точки зрения любая власть может считаться насильственной. Или политические трактовки насилия, сводящие ее к воздействию на индивида, нарушающие его свободу, его желания и опять, в конечном итоге, волю³. В отношении нашей задачи, то есть соотношения насилия и силы с феноменом власти, такое определение также оставляет нерешенным проблему власти и ее воздействия на свободную волю человека (если такая вообще возможна, что ставит под вопрос Б.Г.Капустин в своей работе «Критика политической философии»).

Очевидно, что за указанными нами проблемами стоит вопрос о том, насколько власть в ходе своей реализации соотносится насилем. Сама же такая довольно осторожная формулировка подразумевает весь спектр от радикального отождествления того и другого, до четкого разделения в терминах легитимности. Поскольку мы не ставим перед собой задачу исследовать различные концепции и даже их перечислить, то мы конкретизируем наши изыскания путем уточнения понятия власти, которое в известной работе Н. Лумана определяется через коммуникацию: «Власть есть управляемая кодом коммуникация. Приписывание власти тому, кто ею обладает, регулируется данным кодом с такими далеко идущими последствиями, которые требуют усиления мотивов подчинения ей, ответственности, институционализации, обращения к ней с требованиями перемен и т.п.»⁴. Власть, также как сила и насилие, как феномены жизненного мира, как объекты изучения и внимания, становятся таковыми там, где есть минимум двое, а как максимум некоторое количество людей, человеческое общество и государство.

¹ См. Борисов С.Н. Философское понимание насилия в контексте российского самосознания: доминирующие смыслы и неявные коннотации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 5-15.

² Насилие и ненасилие: Философия, политика, этика: Материалы междунар. интернет-конф., проходившей 15 мая – 31 июля 2002 г. на информ.-образоват. Портале www.auditorium.ru /Ин-т «Открытое о-во» (Фонд Сороса) – Россия, Ин-т философии РАН; Под ред. Р.Г. Апресяна. – М., 2003.

³ Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010. – С. 46.

⁴ Луман Н. Власть. М., 2001. – С.29.

Общество, власть, насилие и сила, а также сами люди возникают в неразрывной связи с коммуникацией и должны осмысливаться через нее⁵. Принцип развития и существования последней в ее усложнении и дифференциации. Более сложными и разнообразными становятся средства коммуникации, а также сам код, то, что передается от человека к человеку. В этой связи логично следует вывод Н. Лумана о необходимости «селекции» коммуникации. Разрастание средств и самого кода приводит к множеству взглядов, действий, желаний, наконец, образов мира в сознании человека. Власть возникает вследствие необходимости ограничения и контроля такого множества. Она естественна и необходима, поскольку существование общества и человека, понимание людьми друг друга было бы невозможным. И далее Луман называет отличие власти от насилия: «Власть поэтому следует отличать от принуждения к какому-либо конкретному действию. У того, кто подвергается принуждению, возможности выбора сводятся к нулю. В своем крайнем варианте принуждение сводится к применению физического насилия и тем самым подмене собственными действиями действий других людей, которые власть не в состоянии вызвать»⁶. Власть в понимании Лумана принципиально отличается от насилия возможностью выбора. Выбор всегда сохраняется в случае властного воздействия, поскольку селекцией коммуникации, а значит действий человека и его мыслей, предполагает вариативность. Некоторое множество вариантов или альтернативность поступков и есть принципиальное отличие власти и насилия, определенная между ними граница.

Насилие или принуждение для Лумана представляет собой отсутствие селекции, когда воздействие не оставляет возможности выбора: «Принуждение означает отказ от преимуществ символической генерализации, отказ от того, чтобы управлять селективностью партнера»⁷. Власть кончается там, где начинается насилие. Или точнее, власть возрастает одновременно с ростом вариативности, а значит свободы, и наоборот, насилие обнаруживает себя там, где есть недостаток власти. Можно сделать вывод о том, что они существенно чужды друг другу. Власть как коммуникативное средство оперирует полем реальных и возможных объектов, тем, что есть и что может быть, не ограничивая, а наоборот постоянно расширяя поле возможностей. Селекция в этом случае не ограничение, а возможность влиять на выбор, определять предпочтения среди всего множества.

При этом Луман делает акцент на различии генерализация кода и селективного процесса. Генерализация кода выступает условием для селекции, поскольку формирует некоторое общее содержание множества, которое впоследствии можно преобразовывать или в терминологии Лумана подвергать селекции.

С такой точки зрения возникает вопрос о манипуляции, сознательном и целенаправленном изменении реальности, игры с кодом в чьих-либо интересах. Является ли манипуляция насилием, поскольку она вполне подходит под определение селекции? Словенский философ Славой Жижек приводит пример, когда власть как селекция реальности оставляет такой выбор людям, который их не устраивает и провоцирует на насилие, что заставляет задаться вопросом о насильственности самой власти и уязвимости концепции Лумана. Славой Жижек пишет о событиях 2005 года во Франции: «Волнения в пригородах Парижа не были выражением какого-то определенного социально-экономического протеста; и в еще меньшей степени они были утверждением исламского фундаментализма»⁸. Протестное насилие, по мнению С. Жижека, было, прежде всего, сообщением. Протестующие явным образом совершили парадоксальный и непредвиденный выбор для власти. Как минимум он выходит за рамки селекции, а, возможно, даже находится на границе того, что Н. Луман называет генерализацией, поскольку это сообщение довольно трудно было расшифровать самой власти. Жижек приводит даже вероятные варианты, наиболее подходящие и удобные для объяснения этого насилия. Возможно, именно их стоит рассматривать как работу селективных механизмов. Также как стоит признать возможность выхода за их пределы как некоторую случайность. Тогда именно здесь, в этом моменте случайного бессилия власти, а по факту так оно и есть, про-

⁵ Луман Н. Власть. – М., 2001. С. 13.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же.

⁸ Жижек С. О насилии. – М., 2010. – С. 64.

является насилие. Сила, как она определена В.П. Римским и С.Н. Борисовым в качестве множества возможностей, уступает место своей противоположности – насилию⁹. Это момент проблематизирующий власть, поскольку от селекции на уровне определения предпочтений она должна перейти к действиям. Действиям в физическом мире. Именно в этом моменте перехода от перебора гипотетических альтернатив к принуждению путем непосредственного действия возникает необходимость применения полиции.

Неоднозначность ситуации заключается в недостатке власти по Луману, поскольку альтернативы сводятся к минимуму, а также необходимости легитимации действий самой полиции. Вальтер Беньямин описывает эту ситуацию через необходимость различия и отдельности правоустанавливающего и правоподдерживающего насилия в эссе «К критике насилия». В деятельности полиции смешиваются указанные два вида насилия, которые по Беньямину должны обязательно различаться. Чтобы понять его тезис необходимо учесть, что власть и право в его концепции возникают в результате насилия, которое он называет правоустанавливающим. Военное насилие, которое является прототипическим, изначально устанавливает правовой порядок, для чего необходима процедура заключения мира: «... если исходить из военного насилия как первоначального, прототипического насилия и на этом основании делать вывод в отношении любого другого насилия, применяемого в естественных целях, то любому подобному насилию свойственен правоустанавливающий характер»¹⁰. И далее государство, осуществляющее насилие, стремится изъять это право и даже свести к минимуму саму возможность применения насилия людьми, гражданами государства. С этой точки зрения полиция есть не что иное как инструмент власти, но он необходим для поддержки власти, а значит для реализации правоподдерживающего насилия.

На сочетание этих двух видов насилия в полиции как раз и указывает В. Беньямин. Суть полиции для него двойственна и раскрывает природу самой власти, которая скрывает свое основание – правоустанавливающее насилие за насилием правоподдерживающим. И хотя исходные положения у В. Беньямина и Н. Лумана разные они сходятся в определении ситуации применения властью насилия, в том числе посредством полиции. В частности В. Беньямин пишет следующее: «... полиция «из соображений безопасности» действует в тех бесчисленных случаях, когда правовая ситуация характеризуется отсутствием какой-либо ясности, когда полиция не без некоторой связи с правовыми целями сопровождает гражданина по упорядоченной предписаниями жизни, грубо его оскорбляя, или просто-напросто надзирает над ним»¹¹.

Различие в более категоричной позиции Беньямина и отождествлении им власти и насилия: «Функция насилия в правоустановлении является двойкой в том смысле, в котором правоустановление является тем, что применяется как право, – при этом цель преследуется путем использования насилия как средства, – однако в момент реализации право не отказывается от насилия, а модифицирует его теперь уже в строгом смысле, то есть непосредственно, в правоустанавливающее: от имени власти правоустановление утверждает в качестве права не цель, свободную и независимую от насилия, а цель, которая от этого насилия по необходимости и глубинно зависит»¹². Смещение в деятельности полиции правоустанавливающего насилия и правоподдерживающего ставит под вопрос легитимность насилия полиции. Хотя отношение полиции к правоустанавливающему насилию, определенное Беньямином исходя из того, что полиция издает инструкции,

⁹ Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2013. № 2 (145). Вып.23 – С. 5-18.

¹⁰ Беньямин В. К критике насилия // Учение о подоби. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С.73.

¹¹ Там же. С.78.

¹² Беньямин В. К критике насилия // Учение о подоби. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С.88. Приведенную трактовку можно сравнить с англо-американской традицией понимания власти, в которой власть описывается в кругу понятий принуждения, влияния, авторитета, манипуляции, обеспечения принятия решений или согласия в отношении некоторых решений. Насилие исключено из понятийно-концептуального ряда описания власти или включается на условиях его инструментального характера. См.: Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. – М., 2010. – С. 25-59.

имеющие правовой статус, выглядит достаточно спорно. Скорее стоит учесть тот факт, что применение полицией насилия осуществляется в упомянутой нами ситуации недостатка власти, когда селекция реальности как выбор среди альтернатив потерпел неудачу, и действия выходят за границы права. Или, ближе к Беньямину, власть сталкивается с насилием преступника, которое всегда имеет потенциальный смысл правоустанавливающего насилия, и реакция также должна быть насильственной. С тем лишь уточнением, что в зависимости от определения целей такое насилие стоит считать силой, постольку, поскольку она направлена на сохранение мира, целостности государства, людей или конкретного человека, их свободы в конечном итоге. Внутри самого правового дискурса действия полиции остаются легитимными до тех пор, пока их действия находятся в правовом поле и решают правовые цели.

Но отметим, что В. Беньямин пишет также о надзоре как насилии со стороны полиции. И здесь, в рамках концепции Н. Лумана, речь идет об уровне генерализации, когда власть определяет поле общих значений, некоторое общее пространство смыслов. Оно предшествует селекции или самому коду, что в отношении полиции раскрывается в понятии интерпелляции, предложенное французским философом Л. Альтюссером. В работе «Идеология и идеологические аппараты государства» он описывает ситуацию окликанья прохожего полицейским, когда каждый, кто слышит слова полицейского, принимает их на свой счет¹³. Безусловно, с точки зрения психоаналитических теорий здесь возможна интерпретация априорной виновности интерпеллируемых, но также возможна и иная интерпретация. Включение в коммуникацию с явными представителями власти в лице полицейских предполагает определенные ролевые отношения, что очевидно. Но также, поскольку власть оперирует множествами не только реальными, но и гипотетическими, тем, что есть и что может быть, план воображаемого и возможного также включен в тот механизм, который Н. Луман называет селекцией.

Сам надзор также довольно исследован в современной философии, в том числе в известных работах М. Фуко «Надзирать и наказывать» и «Безопасность, территория, население». В конечном итоге речь может вестись о коде вообще, поскольку не только ситуация паноптикума как специально организованного пространства насилия взгляда имеет место быть, то также пастырские практики самонадзора и самодисциплины, а также современной биополитики как организованного пространства жизни. Анализ власти как колебания между силой и насилием приводит к исходному феномену кодирования. Н. Луман так описывает кодирование или символизацию: «Под символизацией (символами, символическими кодами) следует понимать упрощенное выражение некоторой комплексной интерактивной ситуации, которая в результате символизации переживается как единство»¹⁴. Кодирование, символизация выступает условием власти, ее основой: «Язык – и не только теоретический язык науки – уже подготовил для целей символизации такие «диспозиционные понятия», как сила, способность, потенция. Данные формулировки маскируют то обстоятельство, что власть представляет собой модализацию коммуникативных процессов, поскольку посредством выражения «возможность» эти формулировки одновременно связывают власть с фигурой властителя. В такой своей функции они оказываются составными частями самого кода власти»¹⁵. Полицейский надзор и пресечение противоправных действий, составляющие реальную практику полиции, отражают двойственность, обозначенную В. Беньямином, но скорее это не двойственность насилия, а силы и насилия, двойственность самой власти.

Список литературы

1. Беньямин В. К критике насилия // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012.

¹³ Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. In: Mapping Ideology. London. Verso 1994. – P. 130-131. Цит. по: Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Изд-во «Художественный журнал». 1999. – С. 112.

¹⁴ Там же. С. 53.

¹⁵ Там же.

2. Борисов С.Н. Философское понимание насилия в контексте российского самосознания: доминирующие смыслы и неявные коннотации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 5-15.
3. Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2013. № 2 (145). Вып.23 – С. 5-18.
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Изд-во «Художественный журнал». 1999.
5. Жижек С. О насилии. – М., 2010.
6. Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010.
7. Луман Н. Власть. М., 2001.
8. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. – М., 2010.
9. Насилие и ненасилие: Философия, политика, этика: Материалы междунар. интернет-конф., проходившей 15 мая – 31 июля 2002 г. на информ.-образоват. Портале www.auditorium.ru /Ин-т «Открытое о-во» (Фонд Сороса) – Россия, Ин-т философии РАН; Под ред. Р.Г. Апресяна. – М., 2003.
10. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. In: Mapping Ideology. London. Verso 1994. – P. 130-131.

BETWEEN THE FORCE AND THE VIOLENCE: THE PHENOMENON OF POWER IN TERMS OF VIOLENCE PRACTICES

A.M. DMITRAKOV
A.A. NOVAKOV

*Belgorod State Institute
for Arts and Culture*

e-mail: journal@bgiik.ru

The paper discusses the fundamental issue of the power in terms of its realization as the force and violence. The power is regarded in the context of N. Luhman's conception as the selection of communication. The power is related with the force in the situation of plurality and the violence as the lack of power. The authors consider the phenomenon of the duality of police as the means of power in the conception of W. Benjamin.

Key words: power, violence, force, police.